

АЛЕКСАНДР КЕРДАН

ВНЕ ОЧЕРЕДИ

РАССКАЗ

Слышимость в новых ДОСах* была такой же, как в гостевой комнате знаменитой Невьянской башни, где подполковник Нахимчук побывал, проверяя местный военкомат. По великому благу невянский горвоенком провёл его к этой демидовской диковине, расположенной на территории режимного завода. По словам военкома, наклон у башни был больше, чем у Пизанской, в затопленных подземельях скрыта тайна чеканки демидовской серебряной монеты, а в самой башне оборудована та самая гостевая, где каждый шепоток был слышен в любом углу. И в своём ДОСе, благодаря хлипким межквартирным перегородкам, Нахимчук знал о жизни соседей практически всё: когда ложились, когда вставали, даже звяканье ложечки о чашку слышно, будто чай соседи пили у него на кухне.

Но сегодня Нахимчука спозаранку разбудил не звон посуды, а соседское радио, вдруг разразившееся бодрой песней. “Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом! Лучше работы я вам, сеньоры, не назову... Стану я точно генералом, буду я точно генералом!” — во весь голос радовался модный советский певец. Как-то он давал шефский концерт в окружном Доме офицеров. Низкорослый, в туфлях на высоких каблуках, с натянутой,

---

* ДОСы – дома офицерского состава.

КЕРДАН Александр Борисович родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Полковник запаса. Доктор культурологии. Сопредседатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор многих книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, в Западной Сибири и на Урале. Лауреат Большой литературной премии России, международных и всероссийских литературных премий. Живёт в Екатеринбурге.

будто приклеенной улыбочкой. Наполеоновский комплекс — налицо! Такие липиуты обычно и становятся генералами...

Сам Нахимчук генералом стать не хотел. Конечно, курсантом-первокурсником мечтал о счастливой карьере, но быстро усвоил военную присказку про генеральских детей, которым “за ратный труд штаны с лампасами сошьют”... И понял, что простым смертным выше полковника не подняться! Ну, а коли так, то и полковник — чем не мечта? Три больших звезды и два просвета на погонах, папаха опять же: в зимнее время издали видна... Но помимо внешнего вида, был у носителя этого высокого звания целый ряд ощутимых материальных преимуществ. Это он позже, будучи уже офицером, уяснил. И в Военторге полковников в особом отделе обслуживали, и к праздникам почти что генеральские продовольственные наборы выдавали, и в окружной поликлинике не только полковники, но и члены полковничьих семей до скончания века состояли на учёте, в отличие от членов семей подполковников и майоров, не говоря уже о младших офицерах. И была ещё одна, незначительная вроде, но для Нахимчука просто убийственная деталь: полковники имели право брать в воинских кассах билеты вне очереди, равно как и Герои Советского Союза, полные кавалеры орденов Славы, генералы и адмиралы! Понятно, что генералы в очереди не стояли — у них для этого порученцы имелись. Героев Советского Союза и кавалеров других высоких наград в таких очередях Нахимчук тоже как-то не встречал. А вот разные полковники выскакивали всегда, как чёртики из табакерки, как раз когда подходила его очередь. И это обстоятельство его всегда очень нервировало. Нахимчук не раз ловил себя на том, что, ожидая очереди, глядел на отражение своего погона в стекле кассы. Покачнётся он, и звёздочки на нём удваиваются, посмотрит под определённым углом и — один просвет становится двумя...

Словом, мечта получить звание полковника со всеми вытекающими отсюда льготами грела Нахимчука долгие годы. Но только одно дело мечта, а совсем другое — реальность. Служба поначалу складывалась у него неплохо: взвод, рота, начальник штаба батальона — и всё застопорилось на академии. Экзамены в академию он сдал, но не прошёл по конкурсу. Можно было бы выдвинуться иным способом: скажем, послужив в Афганистане. Но туда он не попал по причине перенесённого в детстве гепатита. Так и завис на батальоне. С трудом получил майора. Потом и вовсе отошёл от карьерной магии — оказалась в организационно-мобилизационном управлении штаба округа, в отделе, курирующем военкоматы. Правда, огорчался этим обстоятельством Нахимчук недолго. Сослуживцы быстро растолковали ему все преимущества новой службы. Ни тебе прямых подчинённых с их вечными проблемами и чрезвычайными происшествиями, ни ранних подъёмов и “тревог”. Спокойная, размеренная работа в тёплом, уютном кабинете, выходящем окнами на центральный проспект областного центра. И квартиру получил Нахимчук в центре, в доме по улице Мамина-Сибиряка, совсем недалеко от штаба округа. Эта привилегия доставалась тоже, в первую очередь, офицерам его управления, отвечающего за мобилизационную готовность.

Если же едешь в командировку, встречают тебя в районных и городских военкоматах не хуже, чем генерала. В Каслях угостят знаменитым местным пирогом из двух десятков сортов рыбы, которая водится в окружающих городок озёрах, с лучком и тонким, пропечённым тестом. Под такой пирог никакая водка с ног не свалит, хоть целый литр в себя залей! Опять же сувениров целый портфель привезёшь — на весь мир известное чугунное литьё... В Златоусте свои прелести — ножи и топоры с гравировкой по амосовской стали... В Тобольске — резьба по кости, северная рыба муксун и стерлядка. В Тагиле — дивные подносы с мастерской росписью. В общем, если дураком не будешь, то и сам не пропадёшь, и старшему начальнику подарок привезёшь, что тоже немаловажно для спокойной службы и возможного повышения... И всё бы хорошо было у Нахимчука, только вот желанное повышение никак не случалось. Кое-как, с задержкой стал он подполковником и затормозился на этом на целое десятилетие. Уж, было, и смирился Нахимчук с тем, что придётся на пенсию выходить в сорок пять подполковником. Но тут для таких, как он, служака, нашлась лазейка. Кто-то там на самом

верху додумался, что негоже простых офицеров, тех, что без академии и не при должности, лишать надежды папаху надеть. И вот в самом начале горбачёвской перестройки появился приказ министра обороны СССР, разрешающий представлять к званию полковника подполковников, проходивших в этом звании не менее двух положенных сроков (то есть как раз десять лет) и, конечно, положительно характеризующихся по службе...

Тут уж Нахимчук стал землю носом рыть, только бы в число этих представленных угодить. И подарок начальнику отдела на день рождения дорогой преподнёс, и на службе стал задерживаться позже других, чтобы рвение своё показать, и даже бегать стал по утрам, дабы жирок, коим от долгого сидения на стуле изрядно запыл, растрясти и не опарафиниться на очередной итоговой проверке при сдаче норм военно-спортивного комплекса. Немаловажным фактором в осуществлении задуманного стала и дружба с одним из старших офицеров управления кадров округа — завзятым рыбаком. Сам Нахимчук рыбалку на дух не переваривал, называл её не иначе, как той же пьянкой, только в болотных сапогах. Но тут купил удочку, книгу по спортивному рыболовству, записался в военно-охотничье общество и напросился поехать вместе с кадровиком на озеро. Стойко перенёс он там и комаров, и подзуживание нового приятеля, когда не смог поймать ни одного карасика, но зато посидели вместе у костерка, вышили, конечно, поговорили... Так раз, другой. Нахимчук старался, не отказывался и червей накопать, и костёр разложить, и за пол-литрой в ближнее сельпо сбегать... А когда месяца через три отношения стали совсем доверительными, во время очередной попойки у костра выложил кадровику свою заветную мечту...

— Это, Вася, сделать нам легко, — важно сказал кадровик, — как два пальца об асфальт...

И слегка заплетающимся языком тут же изложил план действий, в котором самым неожиданным оказалось требование законспектировать все последние доклады Горбачёва, связанные с перестройкой и гласностью.

— А это зачем? — искренне удивился Нахимчук. — Ну, мобилизационные документы, приказы, положения — это понятно, а доклады-то зачем? Я же не политработник...

— Эх, Вася! В том-то и дело, что не политработник! На этом и погоришь!

— Как это погорю? — не на шутку испугался Нахимчук.

— А вот так... — кадровик приблизил к нему покрасневшее от выпитого лицо. — Ты же знаешь, что всех представленных к званию полковника пропускают через Военный совет округа. Так вот там тебя и рубанут!

— Кто рубанёт!

— Ясно кто — “Факел перестройки”.

“Факелом перестройки” прозвали рыжего генерал-майора, недавно прибывшего из Куйбышева на должность начальника политуправления округа.

— Этот “Факел” на последнем Совете трёх претендентов зарубил за то, что генсека процитировать не смогли. Уяснил? — спросил кадровик.

Нахимчук кивнул. И дело закрутилось.

“...Буду я точно генералом, стану я точно генералом...” — надрывалось соседское радио, возвращая Нахимчука к событиям вчерашнего дня, когда на экстренном собрании офицеров начальник управления зачитал приказ о присвоении ему звания полковника, вручил заветные погоны и папаху. Какое это было мгновение!

Конечно, через своего друга — кадровика он уже заранее знал о пресловутом приказе, и даже новый китель с полковничьими погонами в окружном ателье заказал, и к парадной шинели погоны сам лично пришел, исколов иголкой все пальцы... Да что там погоны! Он и отпуск себе подгадал к этому дню, и путёвку в военный санаторий — опять же по блату! — раздобыл. И в какой санаторий! В Архангельское! Туда офицеров ниже полковника просто не пускают! А летом там вообще отдыхают одни москвичи.

“Ничего, — думал Нахимчук, — нам и февраль сойдёт. Зато какие перспективы этот отдых может предоставить... Скажем, окажется соседом по обеденному столу какой-нибудь большой человек из Минобороны... И я ему понравлюсь. Уж я постараюсь это сделать! И тогда...”

Нахимчук нашарил ногами тапки, поднялся, с хрустом потянулся и, с удовольствием глянув на своё отражение в трюмо, шёпотом, чтобы не разбудить мирно спящую жену, поздоровался: “Здравия желаю, товарищ полковник!” На него взирал сразу из трёх зеркал толстый, волосатый мужик в майке и семейных трусах до колен. Он долго и старательно разглядывал своё широкое лицо, точно видел впервые. Крупный нос с ложбинкой посредине, большие, навывкате, серые глаза, залысины на лбу... Жёсткая линия рта. Словом — настоящий полковник. А полковник, он и в Африке — полковник. Сам не замечая того, Нахимчук всё бормотал прицепившуюся фразочку: “Буду я точно генералом, буду я точно...” Он подобрал живот, одобритительно улыбнулся своему отражению и пошёл в туалет, на ходу смакуя все дела, которые предстоит сделать в первый день отпуска. Сегодня он без очереди купит билет на самолёт. Нахимчук специально не покупал его заранее, будучи подполковником, чтобы нынче насладиться открывшейся возможностью...

Он не спеша побрился. Так же со значением выпил чай, который подали проснувшаяся, наконец, жена, такая же толстая и неуклюжая, как и сам Нахимчук. Но и она, надоевшая за четверть века совместного быта, в это утро не вызвала в нём обычного раздражения своим растрёпанным, заспанным видом. И обданный “Индийский чай” Рязанской чаеразвесочной фабрики показался ему необыкновенно вкусным.

Новый китель сидел на нём, как влитой.

— Ой, Вася, какой ты... — счастливо всплеснула руками жена и почему-то прослезилась.

— Полно, полно, Зина! Чего сырость развела? Помоги лучше шинель надеть, — Нахимчук оттопырил назад короткие руки, отчего стал похож на фронтовой бомбардировщик “Миг-15”. Такие самолёты были на вооружении в тот год, когда он поступал в авиационное училище. Поступал да не поступил: подвёл вестибулярный аппарат. Но в военных училищах страны тогда был недобор, и абитуриентам, кто не прошёл в лётное по физическим данным, предложили на выбор другие училища. Нахимчук выбрал общевоинское командное... И не прогадал! Вот стал полковником...

Он вышел на крыльцо, остановился, глядя в серый небосвод, с которого сыпался мелкий, колючий снежок. Ветер, дующий со стороны “Урал-маша”, доносил запахи заводских труб и окрестных кочегарок и всё норовил залезть холодной пятернёй за отворот шинели. Но и это обстоятельство ничуть не расстроило Нахимчука. Напротив, и небо ему казалось не таким низким, и ветер вовсе не был пронизывающим. Он с минуту потоптался на крыльце, раздумывая, какой дорогой направиться к кассам предварительной продажи билетов, что располагались на улице Свердлова. Пройти можно было двумя путями: срезав расстояние, через Харитоновский парк, и более длинным путём — через Вознесенскую горку.

Нахимчук пошёл там, где многолюдней, — так хотелось ему покрасоваться в новой серой папаше, делающей его выше и стройнее.

Как назло, в этот утренний час прохожих было немного. Да и те, что попадались навстречу, не обращали на Нахимчука никакого внимания, кутались в шарфы, закрывали носы воротниками однотипных пальто, спеша по своим делам. Впрочем, и это обстоятельство не поколебало его доброго настроения.

Нахимчук, тяжело и широко ставя ноги, поскрипывая снежной крупкой, дал кругляга и вышел на набережную Исети. Его взору открылись серые невыразительные дома на противоположном берегу. И только высотное здание обкома партии настырно лезло в глаза. “Белым кльком” окрестили свердловчане детище первого секретаря обкома Ельцина, недавно переведённого в Москву... А по эту сторону реки — старые полуразрушенные бараки да пустырь на месте дома Ипатьева, за ночь уничтоженного молодым и энергичным свердловским вождём. Говорят, Ельцин лично руководил этими работами — он ведь строителем по образованию. Наверное, за исполнительность и партийную непреклонность и пошёл на повышение.

“А что, может, и у меня ещё всё сложится удачно... Возьмут да переведут в Москву, в мобилизационное управление Министерства обороны...”

Для полковника-то я ещё совсем не старый... К тому же с опытом работы и старанием... А там, в Москве, и до генерала — рукой подать!” — счастливо размечтался Нахимчук.

Он пришёл в кассы, предчувствуя долгожданный триумф, как подойдёт к окошечку и, раздвигая толпу, возьмёт свой билет вне очереди.

К разочарованию Нахимчука, очереди возле воинских касс в это утро не было. Стояли всего три человека: лейтенант с эмблемами танкиста, какой-то старичок-отставник и женщина средних лет, видимо, жена или мать военнослужащего. В общем-то, можно было бы и за ними встать.

Но Нахимчук с сознанием собственной правоты бесцеремонно подошёл к окошечку, отстраняя лейтенанта, подал кассиру проездные документы:

— На утренний самолёт до Москвы, будьте любезны... — как бы устало сказал он.

Пока кассир звонила в аэропорт, Нахимчук снисходительно оглядел стоящих. Лейтенант был совсем зелёный — шинель ещё не обмялась. А старичок, видать, воевал... Составить мнение о женщине Нахимчук не успел — кассирша доложила с почтением в голосе:

— Повезло вам, товарищ полковник, последний билет на рейс достался... Оформляем?

Нахимчук кивнул.

— Девушка, скажите, больше билетов совсем нет? — спросил лейтенант.

— Я же русским языком сказала: этот последний, — отрезала кассир.

— Товарищ полковник, вы не уступили бы мне билет? — обратился лейтенант к Нахимчуку. — Я по телеграмме, у меня мама при смерти...

Нахимчук, хотя едва доходил лейтенанту до плеча, посмотрел на него сверху вниз:

— По служебной надобности, лейтенант!

Лейтенант ничего не сказал.

Оформление билета Нахимчука прошло в гробовой тишине. Отходя от кассы, он обернулся, желая подбодрить лейтенанта, мол, улетишь следующим рейсом.

Старичок тем временем расстегнул полушубок. Намётанным глазом Нахимчук сразу приметил на пиджаке планки трёх орденов Славы и вышел на улицу.

“Надо было всё же подсказать лейтенанту, чтобы обратился к военному коменданту в Кольцово: тот в экстренных случаях подсаживает военнослужащих на ближайший борт... — запоздало спохватился он. — Ещё и этот старик, полный кавалер... Тоже ведь мог бы без очереди... Да что уж теперь...”

— Ничего, мне положено, — пробормотал он себе под нос и пошёл домой собирать чемодан. Но только к вечеру, когда в гости нагрянули родственники жены, чтобы поздравить Нахимчука с получением долгожданного звания, неприятный осадок от похода за билетами понемногу развеялся.

На следующее утро об этом инциденте Нахимчук уже вспоминал в больнице: по дороге в аэропорт такси, на котором с *шиком* ехал новоиспечённый полковник, угодило в аварию.

ТАЙНЫЙ СОТРУДНИК

РАССКАЗ

Громов с детства мечтал стать разведчиком. Все книжки в городской библиотеке про чекистов и про шпионов он прочитал запоём, а фильмы “Подвиг разведчика”, “Сильные духом” и “Щит и меч” смотрел в кинотеатре едва ли не каждый день, пока шёл показ.

Но поскольку в его южном городке узнать, где и как готовят разведчиков, было невозможно, поступил Громов в обычное военное училище связи. Там у него проявилась склонность к общественной работе. Поэтому после назначения в полк лейтенанту Громову предложили стать секретарём комитета ВЛКСМ.

Комсомольская работа расширила круг его знакомых: работники местного областного комитета комсомола, учителя соседних школ, сотрудники клубов и библиотек, где проводились комсомольские мероприятия. Особенно подружился Громов с Олегом Закутько — заведующим отделом оборонно-массовой работы обкома. Закутько оказался парнем прямодушным, обаятельным, открытым. Такие люди всегда нравились Громову.

В числе приятелей оказался и начальник особого отдела полка капитан Листовой. Был Листовой из “пиджаков”, то есть, призван в армию после гражданского вуза. По профессии он был учителем ботаники, кроме того, был завзятый книголюб и знаток литературы и тем сразу пришёлся по душе Громову, пробовавшему писать короткие рассказы. Ну и, конечно, Громову льстило, что он дружил с человеком из секретных органов, куда сам когда-то мечтал попасть...

Громов, в свою очередь, познакомил Листового и Закутько. Посидели, выжили, понравились друг другу. С той поры ни одного выходного не проходило, чтоб приятели не собирались то в бане за кружечкой пива, то на берегу речки с удочками...

Всё было в ажуре до одного случая, изменившего их отношения. Как-то Листовой пропустил общий сабантуй, потом поинтересовался, как всё прошло. Громов рассказал, сделав упор на то, что и напились, и напелись...

— Что пели-то? — спросил Листовой.

— Да, разное. Военные, комсомольские. А потом Закутько на рідной мове запел — заслушаешься... Голос у него — хоть в Большой театр бери!

Рассказал об этом Громов и забыл. А через день Листовой зашёл к нему в комитет комсомола и бухнул с порога, что с Громовым хочет встретиться один важный человек.

— Кто такой? — поинтересовался Громов.

— Поедем, там узнаешь.

На “шестёрке” Листового они выехали за ворота гарнизона и покатали в центр города. За всю дорогу не проронив ни слова, Листовой притормозил у подъезда областного управления КГБ.

С трепетом вошёл Громов в “святая святых”, не понимая, кому он мог понадобиться и по какой причине.

Старший сержант с буквами “ГБ” на синих погонах проверил пропуск у Листового и внимательно просмотрел все страницы удостоверения Громова, потом взял под козырёк.

Громов и Листовой поднялись на третий этаж в приёмную начальника управления. Секретарша, очевидно, была хорошо знакома с Листовым. Она ласково улыбнулась ему и окинула Громова пристальным взглядом кондукторши в автобусах или женщины-разведёнки.

— Проходите, вас ждут, — произнесла она с пониманием своей важной миссии.

В длинном сумрачном кабинете, стены которого были закрыты такими же, как в обкоме комсомола, полированными панелями цвета морёного дуба, за огромным столом с бюстом *Железного Феликса* сидел человек с полковничьими погонами на плечах. Он не спеша поднялся им навстречу.

— Здравствуйте, Иван Сергеевич. Называйте меня Владимиром Николаевичем, — он пожал руку Громову. Рукопожатие было крепким, и сам полковник, хотя едва доходил Громову до плеча, внушал уважение и невольный трепет. Наверное, всё дело было в глазах — колбочих, как буравчики. Крючковатый нос, высокий лоб с залысинами, — словом, вылитый “ястреб холодной войны”, как на карикатурах изображали хищных американских империалистов.

По-свойски, но без панибратства полковник поздоровался с Листовым, пригласил за стол, стоящий в торец к его начальственному столу, и сам усел

ся не в своё кресло, а на стул напротив. Выдержав томительную для Громова паузу, спросил:

— Вас, должно быть, удивляет моё приглашение?

Громов слишком поспешно кивнул, невольно выдав своё волнение, что не ускользнуло от пронизательного взгляда полковника и, похоже, понравилось ему.

— Я слышан о вас, — сказал он веско. — Знаю вас как честного офицера, молодого коммуниста, человека, преданного нашим идеалам.

“Что же ему от меня надо? — терялся в догадках Громов, с трудом выдерживая взгляд полковника. — Чего он тянет?”

Но полковник и не думал тянуть — сразу взял быка за рога:

— Ко мне поступила информация, что сотрудник областного комитета комсомола Закутько Олег Петрович, с которым вы состоите в дружеских отношениях, является носителем националистических взглядов и убеждений. Вы можете это подтвердить?

Громов оторопел: ничего подобного он услышать не ожидал. Во рту у него сразу пересохло.

— Нет, не могу, — не сразу выдавил он из себя.

Полковник укоризненно покачал головой:

— Как же не можете? А не вы ли говорили, что Закутько любит петь украинские песни и на рідной мове гарно розмовляеть? — он выразительно посмотрел на Громова.

Только тут до Громова дошёл истинный смысл происходящего. Он вспыхнул, но полковнику ответил как можно сдержаннее:

— Товарищ полков... простите, Владимир Николаевич, мне кажется, мои слова были неверно истолкованы. Я действительно как-то похвалил певческие способности Олега Петровича, но не более того. Да, Закутько говорит по-украински. Но ведь он сам — украинец, кажется, из-под Ровно... А песни он поёт разные, и русские, и украинские... Но все они написаны известными советскими композиторами и поэтами... Что же касается политической характеристики товарища Закутько, то могу утверждать с полной ответственностью: он — наш, советский человек!

— Да вы не волнуйтесь, Иван Сергеевич, — взгляд полковника сделался чуть-чуть добрее. — У нас служба такая: поступила информация, её надо проверить. И перепроверить, если потребуется... Спасибо, что не отказались приехать.

Громов про себя усмехнулся: “Попробовал бы я отказаться...” — но вслух произнёс то, что полковник хотел от него услышать:

— Полагаю своим долгом коммуниста помогать органам безопасности.

Полковник поднялся со стула:

— Хочу вас предупредить: о нашем разговоре, пожалуйста, никому не рассказывайте. Тем паче самому Закутько. Ясно?

— Так точно, — по-армейски ответил Громов.

— Надеюсь, что наше сотрудничество на этом не закончится, будет длительным и плодотворным, — полковник на прощание ещё раз мёртвой хваткой стиснул ладонь Громова.

Только в машине Громов, наконец, дал волю своему гневу:

— Зачем ты передал наш дружеский разговор? Это же настоящее предательство!

Листовой и не думал оправдываться:

— Ты ничего не понимаешь, а ещё мечтал стать разведчиком! В нашей службе нет ничего личного! Всякая информация важна. К тому же, скажу тебе по секрету: Закутько у “конторы” на особом контроле.

— Как это *на особом*? Он что — враг?

Листовой понизил голос и сообщил доверительно:

— Да нет. Просто написал заявление с просьбой отправить его учиться в Высшую школу КГБ и потому должен быть проверен по высшему разряду. А ты сам-то не передумал стать чекистом?

Громов пробормотал что-то невнятное, но с этого дня грезить о карьере разведчика перестал, да и дружба с Листовым и Закутько оборвалась.

Ещё раз судьба свела Громова с тайным ведомством много лет спустя, уже в пореформенной России. К этому времени он стал полковником, военным журналистом и разрабатывал тему первых русских поселенцев на Аляске. Областная библиотека решила провести широкую презентацию книги его очерков.

Один знакомый депутат посоветовал Громову пригласить консула США по культуре, который, дескать, родом был оттуда, с Аляски, к тому же был историком по образованию, а значит, может оказаться полезным для дальнейшего продвижения книги. Громов возражать не стал.

Через несколько дней Громову позвонили. Мужской голос на ломаном русском сообщил, что консул господин Хаган ждёт его завтра в своём консульском отделе для знакомства и переговоров.

Громов сказал, что придёт. И тут-то в нём проснулась вышколенная годами советско-американского противостояния бдительность: как он, действующий офицер, пойдёт на территорию чужого государства, не получив разрешения командования и специальных органов?

К счастью, соседом Громова по лестничной площадке был подполковник Сойкин, служивший в особом отделе округа, время от времени захаживавший пропустить чарку-другую и поболтать на отвлечённые темы.

Сойкин отнёсся к сообщению с неподдельным интересом. Пообещал немедленно сообщить коллегам из областного управления ФСБ, и уже через пару часов на связь с Громовым вышел капитан, назвавшийся Игорем, и назначил randevu в сквере у драмтеатра в половине седьмого вечера.

Игорь оказался приятным молодым человеком неброской наружности. “Наверное, таким и должен быть настоящий разведчик, чтобы его было труднее запомнить”, — промелькнуло в голове у Громова.

— Вам, Иван Сергеевич, горячий привет от полковника Закутько, вашего давнего знакомого, ещё по городу N, — безошибочно назвал Игорь первое место службы Громова.

— От Олега Петровича? — не поверил своим ушам Громов.

— От него самого. Олег Петрович недавно назначен к нам заместителем начальника управления. Он с большой теплотой вспоминал вас и годы комсомольской юности...

“Значит, донос Листового не помешал Закутько поступить в школу КГБ...” — тихо порадовался Громов.

— Олег Петрович поручил мне проинструктировать вас о поведении там, куда вы завтра пойдёте, — перешёл к делу Игорь. — Скажу прямо, как офицер офицеру: вы поступили очень осмотрительно, предупредив нас об этой встрече. Господин Хаган — профессиональный разведчик, сотрудник ЦРУ с многолетним стажем... — заметив, что Громов внутренне напрягся, успокоил: — Смело идите на встречу, но помните: вас будут пытаться завербовать. Первый признак вербовки, если Хаган станет долго рассказывать о себе. Это профессиональный приём, который должен расположить собеседника, вызвать доверие и встречную откровенность...

Далее последовал подробный инструктаж, что и как говорить Громову, как себя держать с иностранцем.

— После встречи, Иван Сергеевич, пожалуйста, проинформируйте меня, как всё прошло. Олег Петрович очень надеется на вас... — чуть заметно улыбнулся Игорь, прощаясь.

Встреча с американцем была разыграна, как по нотам. Хаган вёл себя в точности, как предсказывал Игорь. Он много рассказывал о своём аляскинском детстве, об учёбе в университете, об археологических экспедициях вглубь материка, о загадочных тотемах индейцев-тлинкитов и своей неизменной любви к великой русской литературе... Громов, следуя инструкции, больше молчал, внимательно слушал и запоминал. На вопросы американца отвечал односложно. И тот вскоре потерял к нему всякий интерес, но на презентацию прийти согласился и попросил три билета для себя и своих сотрудников.

Громов передал билеты американцу и попрощался.

Игорь, выслушав отчёт Громова, в свою очередь, взял шесть билетов на предстоящее мероприятие:

— Вы же понимаете, за такими “археологами” нужен глаз да глаз... Неровен час, не то и не там накопают... — с многозначительной улыбкой пояснил он.

— А Олег Петрович на презентации будет? — спросил Громов.

— Знаете, Иван Сергеевич, начальникам такого уровня публичные мероприятия посещать у нас не рекомендуется... Но я передам товарищу полковнику ваше желание повидаться.

Представление книги было многолюдным и торжественным. Взволнованный Громов подробно рассказал о своей работе, раздал несколько десятков автографов. Хаган выступил с короткой речью об истории своей родины, а на фуршете провозгласил тост за российско-американское сотрудничество и дружбу. Все дружно кричали “ура” и чокались бокалами с шампанским. Всю презентацию по пятам за Хаганом и его коллегами парами ходили “топтуны” (так, кажется, называются сотрудники и сотрудницы наружного наблюдения). Громов без труда заметил незнакомцев в строгих костюмах среди своих друзей и коллег. Ему даже показалось, что слежку обнаружили и американцы, но они упорно делали вид, что ничего не замечают, щедро раздавали свои визитки, щёлкали фотоаппаратами и демонстрировали широкие голливудские улыбки. Словом, праздник удался на славу и долго ещё был предметом разговоров в Союзе журналистов.

А вот повидаться с Закутько Громову так и не удалось.

Игорь сказал, что полковник неожиданно был отправлен в длительную командировку. Но и эти скудные слова он сказал так, что Громов содрогнулся и проникся важностью услышанного.

— Олег Петрович обмолвился, что вы когда-то мечтали стать разведчиком... — вдруг сказал Игорь.

— Была такая детская мечта... — смутился Громов.

— Так ведь ничего ещё не поздно, — серые глаза Игоря излучали доброжелательность и дружелюбие. — Вы очень способный человек, Иван Сергеевич, к тому же патриот России. Это сегодня такая редкость. Исходя из этого, мне поручено предложить вам долговременное сотрудничество... Скажем, не согласились ли бы вы информировать нас обо всём, что происходит в местной журналистской среде: что пишут, о чём говорят? Конечно, на взаимовыгодных условиях.

— Вы предлагаете мне стать осведомителем, капитан? — Громов на миг опешил, но потом гордо вскинул голову: — Извините, но я — русский офицер. У нас доносительство не в чести...

— Ну, зачем вы так, Иван Сергеевич? — лицо Игоря стало строгим и неприступным. — Я предлагаю вам помогать органам безопасности в разоблачении врагов Отечества...

— Этого мне можно было и не предлагать! Если такой враг среди моих коллег появится, я сам его к вам за шкуру приведу. А штатным информатором, извините, не буду...

Игорь снова растянул узкие губы в улыбке:

— Вот и хорошо. Рад, что мы поняли друг друга.

Уходя, он бросил загадочно:

— Что же касается доносительства, так у нас добровольных помощников, поверьте, и без вас, уважаемый Иван Сергеевич, предостаточно... Вы же, человек твёрдых убеждений и чести, помогли бы отсеять зёрна от плевел...

Громов поёжился: “Значит, среди журналистов кто-то “стучит”... Но кто? Вроде все такие порядочные люди...”

С тех пор он другими глазами смотрел на коллег, подозревая в доносительстве каждого и стыдясь своих подозрений.

Как-то в Доме журналистов, проходя мимо курилки, он увидел доцента университета и светоча местной журналистики Раказина, курящего в окружении трёх юных дев. Раказин между глубокими затяжками вещал с апломбом небожителя:

— Да мне все эти спецслужбы — КГБ, ФСБ, ЦРУ — глубоко индифферентны. Я ничего не боюсь! Я в жизни и не такое видал. Два года в дис-

бате кайлом мёрзлое дерьмо отковыривал. Саданёшь по нему — брызги на солнце радугой переливаются. А мороз — пятьдесят градусов...

Громов знал, что Раказин любит прихвастнуть, пустить пыль в глаза, особенно молоденьким девицам. Впрочем, он и с коллегами обычно в карман за словом не лез, много о себе разных историй рассказывал, но про дисбат Громов слышал впервые.

Он невольно замедлил шаг, стараясь оставаться незамеченным, и напряг слух. Но на него и так никто не обращал внимания. Девицы, как зачарованные, таращились на Раказина, буквально поедая его влюблёнными глазами. Одна из них — белобрысая и плоскогрудая, — не выпуская сигареты из полураскрытого рта, раскачивалась в кресле, словно кобра перед флейтой заклинателя:

— А как вы в дисбат попали, Ювеналий Эдуардович?

Раказин как будто ждал этого вопроса. Он набычился, придавая лицу ещё более brutальное выражение, и зло процедил:

— Да всё из-за стукачей! Одного гадёныша на апперкот поймал, а меня сразу в казарменные хулиганы записали и — за Полярный круг...

Девицы заахали и вытаращились ещё сильнее:

— А как же вы потом, в университет, в аспирантуру?

— Если человеку дан настоящий талант, он и стену лбом прошибёт...

Дальше слушать рассказы Раказина Громов не стал, пошёл прочь. Но фразу про дисбат запомнил. И когда к очередному юбилею Раказин опубликовал свои мемуары, прочитал их с пристальным вниманием.

В мемуарах Раказин в соответствии с требованиями эпохи обрушивался на советскую тиранию, в цветах и красках описывал, как невыносимо тяжело ему, Раказину, жилось при прошлой власти, как не пускали его, молодой талант, на страницы толстых журналов злые и бездарные фронтовики, как непроста и извилиста была его жизненная дорога. Особенно упирал Раказин на два года, которые ему пришлось провести в страшном дисциплинарном батальоне, где заставляли изо дня в день есть невкусную баланду, а после ломом отбивать наледь в отхожих местах.

“Надо же, не врал, значит, тогда девицам...” — удивился Громов. Но гораздо больше его удивило другое: сразу же после отсидки Раказин поступил на журфак. По окончании вуза он, единственный из всего курса, был направлен в заграничную командировку в Пакистан, где несколько лет преподавал журналистику в Пешаварском университете. Там же женился на француженке, потом развёлся. Вернулся на кафедру в родной университет, успешно защитился и по сей день процветает, возглавляет, учит, раздаёт оценки...

Громов досконально знал советскую систему: “Ну, не могло быть такого, чтобы всё это сошлось в одной судьбе: дисбат и поступление в универ, заграничная командировка в капиталистическую страну и разрешение сначала жениться на француженке, а после развестись с нею, защита кандидатской и тёплое место доцента... Всё это взаимоисключающие события: в вуз никогда бы не приняли с “волчьим билетом”! Имея за плечами даже погашенную судимость или только намёк на неё, нельзя было и мечтать о заграничной командировке. А уж связь с иностранкой не прощалась никому... А если и могло всё это случиться с человеком, то только в одном-единственном случае: какая-то очень могущественная сила вела его через все эти передрыги, чьи-то очень важные поручения он исполнял... Скорее всего, Раказин и есть тот тайный сотрудник, о котором проговорился Игорь! Наверное, ещё в дисбате армейские особисты его завербовали, а потом “на гражданке” передали коллегам по эстафете... И те помогли сделать карьеру. Наверняка до сих пор его услугами пользуются...”

И хотя никаких иных подтверждений принадлежности доцента к секретной службе у него не было, он старался держаться от Раказина подальше. Ибо сам Громов, хоть и не мечтал уже быть разведчиком, но так и не научился держать язык за зубами.